

Кэмерон Джейс – ЯВИГИ

(Приквелы Дневников Братьев Гримм #10)

Переведено специально для группы

~"°•†Мир фэнтези†°*~ <http://vk.com/club43447162>

Переводчики romanenkokarina, 289080659, NDobshikoVa

Редакторы Евгения Волкова, NDobshikoVa

Обложка Татьяна Шкребнева

Внимание! Данный перевод подготовлен только для ознакомительного чтения.

Явиги

*Со слов Гримма Песочника
Чернильный Хранитель Снов и Собиратель Песочных Книг*

Дорогой дневник,

Один мудрый человек сказал однажды, что величайшая хитрость дьявола состоит в том, что он убедил мир, будто его не существует¹.

Меня всегда интересовало: почему люди верят всему, что им говорят, или что они прочтут? Если начать рассказ словами «Жили-были...», то все будут ждать в конце фразу «И жили они долго и счастливо». А если начать с «Это была мрачная, грозовая ночь», то они начинают искать монстра под кроватью.

Словно мы все ожидаемо предсказуемые, слеплены по тому образцу, который хотят видеть окружающие. Словно то, как они видят истории – единственная и определяющая истина, а наш вариант – сплошная ложь.

Если задуматься, то каждая сказка, которую нам когда-либо рассказывали, даже самые правдивые, – это ложь. Такова уж человеческая натура. Мы любим ложь, мы её лелеем. Даже хуже – мы её пересказываем друг другу. Но только с одним условием: ложь должна быть красивой, чарующей и захватывающей. Наши герои отправляются в глубины ада и возвращаются вновь, возможно, чтобы поцеловать ту, что хранит ключ к истинной любви.

А раз так, истории просто ни могут не быть предсказуемыми. Вы знаете, кто герой, а кто злодей, и двести с чем-то страниц спустя, герой обязательно побеждает.

Прочитано! Следующая книга, такая же история с небольшими изменениями.

А вот история, которую я вам расскажу, далека от предсказуемости, и к концу этого дневника вы поймёте, о чём я говорю. Вы будете шокированы, ведь ещё до того, как начать рассказ, я знаю, кто вы. Да-да, вы, читатели Песочных Книг. Вы удивитесь, насколько вы сами предсказуемы, а я позволю вам узнать завершение этой истории.

Возьмём, к примеру, рассказ о Королеве Скорби. В какой части дневника я бы её не упомянул, читатель будет кривить губы при каждом её появлении, осуждая её за всё, но даже понятия не имея, каково её настоящее имя, или откуда она появилась.

Но кто я такой, чтобы говорить об этом? Я всего ли Чернильный Хранитель Снов, Собиратель Песочных Книг, обычный библиотекарь, собирающий и проверяющий подлинность дневников бессмертных сказочных персонажей каждые сто лет. Я – как книга, которую вы разорвали пополам только оттого, что история, которую вы читали, пошла не тем путём, которого вы хотели. Внезапная ярость всегда была самым неконтролируемым грехом человеческим. Вы ненавидите книги, даже не задумываясь, что книга – просто посланница, она не имеет отношения к судьбам героев, разворачивающимся меж её страниц. Книга лишь передаёт события после того, как они уже произошли.

Так с чего мне начать? «Это была мрачная, грозовая ночь»? Думаю, да. Теперь вы догадываетесь, куда ведёт этот рассказ...

¹ Фраза приписывается известному французскому поэту, критику и переводчику Шарлю Пьеру Бодлэру.

Это была мрачная, грозовая ночь, заставшая меня в уединённом Трактире на краю земли. Я еле-еле пробрался сквозь грозу, накрывшую Тёмный лес. Я рисковал своей жизнью, но, спустя два дня, добрался до Трактира. Он был одним из самых жутких мест Королевства Скорби.

Чёрный шёлковый плащ под коричневым шерстяным пальто защищал мою кожу от ужасного холода. Снежинки садились на мою длинную белую бороду, а покрывшиеся инеем ресницы почти не двигались, когда я подходил к Трактиру.

У двери в Трактир меня встретил мой личный ворон и опустил на плечо. Я выпрямил спину и вошёл в пещеру, делая вид, что путешествие было таким же простым, как засыпание песка в глаза детям, пока они спят – подработка, которой я занимался, будучи Чернильным Хранителем.

В Трактире было темно и тихо. В неосвещённом углу зазвенела пара стаканов, а у бара спиной ко мне сидел одинокий мужчина. Я усмехнулся. Именно его я и пришёл увидеть.

- Якоб, - хлопнул я его по спине и забрался на соседний высокий стул.

Он медленно повернулся ко мне и глянул из-под ресниц тяжёлым взглядом, изо всех сил притворяясь трезвым.

- Песочник Гримм, - слабо улыбнулся Якоб. – Не знал, что ты приходишь к пьяным мужчинам.

- А я не знал, что ты пьёшь, - я снова хлопнул его по спине. – Просто поверить не мог, когда мне сказали, что ты здесь, на краю земли, напиваешься, чтобы заснуть.

- Тебе легко говорить, - произнёс Якоб. – Ты Песочник. Вся твоя жизнь – большая сказка. Ты сыпешь песок детям в глаза и убаюкиваешь их. Бьюсь об заклад, у тебя нет проблем со сном, - он чуть наклонился вперёд, – потому что тебя, в отличие от меня, не мучают ночные кошмары.

Я не хотел на это отвечать. Он почти ничего не знал обо мне. О, поверьте, он действительно почти ничего не знал обо мне. Интересно, почему никто никогда не задавался вопросом, кто сыпет песок в глаза Песочнику, пока тот спит. Но это уже совсем другая история.

- У меня ночные кошмары, Песочник.

Якоб стукнул кружкой по деревянной барной стойке, подзывая владельца Трактира – парнишку с копной волос и густыми бакенбардами, протирающего стаканы. - Ночные. Кошмары. Мрачные, жуткие и отвратительные, - пояснил Якоб.

- Ясно, - ровно ответил я.

Якоб выглядел гораздо более слабым и уставшим, чем прежде. Он рассмеялся, будто издеваясь над самим собой. Как грешник, играющий в русскую рулетку, отдавая свою судьбу револьверу в своих руках из-за того, что не мог понять – он добро или зло.

- Ты Песочник? – спросил он, будто предыдущего разговора не было, и он только что увидел меня, вошедшего в Трактир.

- Да, - кивнул я в ответ на этот глупый вопрос.

- Тогда можешь уложить меня спать? – он сильно хлопнул меня по плечу. – Попросишь Бога, чтобы сохранил мою душу?

Теперь он был настолько пьян, что начал петь.

- А если я умру, прежде чем проснусь? – в глазах застыли слёзы и он даже повторил:

- А если я умру, прежде чем проснусь? Попроси Бога забрать мою душу².

- Не переживай, Якоб. Я не удивлён, что тебе снятся кошмары. Они мучают большинство писателей.

- Ты называешь меня писателем? – он усмехнулся своему вопросу.

- Ты Якоб Карл Гримм, - произнёс я. – Тебя будет помнить и ценить весь мир. Ну, не наш мир, а человеческий.

- Меня не должны ценить или помнить, и я не писатель. Я фальсификатор сказок, убийца персонажей и манипулятор историями, - он стал говорить тише, не спуская глаз с невидимых людей в углу, постукивающих стаканами. – Люди считают, что я собираю сказки для детей, Песочник. Куда уж дальше от правды! Только посмотри на то, что мы сегодня сделали!

- Это должно было быть сделано, - ответил я. – И мы все знаем почему. Не вини себя так.

- И мы? – посмотрел он на меня.

- Что «и мы»?

- И мы все знаем, почему я фальсифицирую сказки?

- Не понимаю, о чём ты говоришь.

Я начал раздражаться, и не только из-за его странных вопросов, но и из-за серебряного подсвечника за спиной владельца Трактира. Меня нервировала его отражающая поверхность. Я ненавидел зеркала. Не всегда, нет. Но сегодня я их терпеть не мог и не хотел видеть в нём своё отражение, поэтому чуть-чуть сместился в сторону.

- Смотри на меня! – потребовал Якоб. – Я тебе вопрос задал.

- Не знаю, Якоб, - пожал я плечами. – Я простой Песочник, получивший новую возможность собирать дневники. Это ты подделывал истории. У тебя должны были быть на то свои собственные причины.

Я не стал рассказывать ему, что проверил кучу сказок. В некоторых вещах абсолютно не было смысла, но у меня тогда была другая забота, поэтому я на всё смотрел сквозь пальцы. Я сейчас здесь для кое-чего более важного.

- Ты прав, - повесил голову Якоб. Я не знал, он готов упасть в обморок или провалиться со стыда. Я всегда слышал, что Якоб приятный человек, доверенный наставник для многих других писателей. Но в данный момент он таким не выглядел. Он менялся. – Это я виноват. Во всём виноват я.

Якоб поднял голову, но я не был уверен, что он меня видит.

- Правда в том, что на самом деле я не знаю, что есть правда.

- Да уж, загадочную фразу ты сейчас произнёс.

- Это так, и так оно должно быть, потому что я изменял истории, которые мне рассказывали. Ты можешь в это поверить? Я изменял истории, которые получал от других. А может те, кто мне их рассказывал, тоже лгали?

Слова Якоб были такими искренними.

- Но ты же должен был найти какие-то доказательства, почему так поступал?

- Конечно, находил, - произнёс Якоб. – Я заглянул в глаза тьме, и не думаю, что с тех пор она спускала с меня глаз.

- Ты имеешь в виду... - я пожал плечами. – Королеву Скорби? Белоснежку? Или кого?

² Известная детская молитва перед сном в XVIII веке. В контексте современности – отсылка к тексту песни «Enter Sandman» группы Metallica.

- Я имею в виду то, что имею в виду, - он похлопал меня, словно защищая от витавшего в воздухе вокруг нас зла. — Я не хочу, чтобы ты знал об этом. Лучше оставайся и дальше Песочником — милым и заботливым человеком, засыпающим песок в глаза детям.

- Но я всё равно, так или иначе, узнаю правду, когда начну собирать дневники, - улыбнулся я, гордясь тем, что мне поручил такую работу сам Морфей, Король Мира Сновидений.

- Это произойдёт только через сотню лет, - ответил Якоб. — А пока я хочу, чтобы ты оставался таким же заботливым и любящим, как и прежде, потому что, когда ты прочтёшь эти дневники, твоя жизнь полностью изменится.

- К худшему или к лучшему?

- А это тебе предстоит решить самому. Такие решения всегда принимает читатель, и даже самый умелый фальсификатор не сможет обмануть читателя, - он слабо усмехнулся, выделив слово «фальсификатор». Он даже поднял подсвечник и секунду смотрел на свои зубы в отражении. Я отклонился назад, чтобы не отражаться в его поверхности, и плотнее натянул капюшон на голову. Чёртовы зеркала.

- Так зачем ты здесь, Песочник? — спросил Якоб, отставляя в сторону подсвечник. — Проведать старину Якоба Гримма?

- Не совсем, - ответил я.

- Печально. Я думал, ты обо мне заботаешься, - он наклонился ко мне и скривил забавную пьяную рожицу. — Расскажи мне, какие сны ты засыпал в мои глаза, когда я был ребёнком?

Это был искренний вопрос, и меня это поразило.

- Не тот ли, когда я ехал в карете с прекрасной женщиной, но стоило мне её поцеловать, как она превратилась в лягушку?

Я чуть не засмеялся, потому что вопрос определённо был искренним.

- Я здесь для того, чтобы спросить у тебя, что ты делал с Морфеем, - твёрдо произнёс я и пожал плечами. — Всё прошло гладко, когда вы накладывали заклятия на персонажей сказок?

Якоб нахмурил брови.

- Это ещё что за вопрос? — откинулся он назад. — Разве ты не знаешь, как всё прошло? Ты не встречался с Морфеем?

- Пока нет. Я вернулся из долгого путешествия, - ответил я. — Я лишь слышал, что он назначил меня собирать Песочные Книги каждое столетие. Я прочёл несколько коротких дневников, которые Морфей считал ложью, и теперь они не будут учтены в течение ста лет. Но если не хочешь рассказывать, я могу спросить Морфея.

- Да всё в порядке, - Якоб потрепал меня по плечу и улыбнулся. — Ты такой милый человек, такой наивный, такой добрый в душе. Я расскажу тебе то, что ты хочешь знать. Морфей предал забвению всех персонажей моих книг в Мире Сновидений, - он снова рассмеялся, но в этом смехе слышалась боль.

- И что?

- Это было непросто. Вся эта магическая чушь, заклинания и правила Мира Сновидений. Но, в конце концов, мы наложили заклинание.

- Как? — поинтересовался я. — Я слышал, что многие из них ещё бодрствуют.

- Чтобы заклятие полностью сработало, надо семь дней, - произнёс Якоб. – Мы наложили его только вчера. Несколько Охотников за Сновидениями похоронят героев сказок в их снах различными способами. Мне говорили, что это будет жестокая охота.

- Ты знаешь, как Охотники за Сновидениями делают это?

- Нет, - покачал головой Якоб. – Нам не положено это знать. Это тайное искусство, - Якоб опустил голову и зашептал: - Охотники за Сновидениями работают на Небеса, - пояснил он. – Они наполовину люди, наполовину ангелы, и Морфей сказал, что нам нельзя знать о них больше, чем мы уже знаем.

- Интересно, - почесал я подбородок. – Звучит так, будто ты мечтаешь от них избавиться.

- Это не так-то просто, - заключил Якоб, снова ведя себя, как трезвый человек. – Наложённое заклятие работает не так, как я предполагал.

- Это как?

- Морфей сказал, что у настолько масштабного заклятия всегда есть последствия. И он сказал, что миру нужно равновесие в подобных случаях.

- Не понимаю.

- Он сказал, что хоть заклятие и похоронит их в снах, но они смогут просыпаться каждые сто лет на определённое количество времени.

- Это так необходимо?

- Всё дело в равновесии, о котором говорил Морфей. Так должно быть. Он что-то упоминал про алхимию, но я не совсем уловил суть.

- Кажется, я знаю, о чём ты говоришь, - произнёс я. – В алхимии невозможно создать заклятие, пока не отдашь что-то взамен. Таково всемирное правило магии и заклятий. Равновесие найденного и потерянного.

- Ну, раз ты так говоришь, значит, так оно и есть, - отхлебнул из кружки Якоб. – Только вот что будет, если они вернутся? Проблема. Смогут ли они изменить историю? Сменить роли? Разрушить наложенное заклятие? Или ещё хуже – смогут ли они рассказать всему миру, что случилось на самом деле? Какое нерациональное правило. Мне оно не нравится?

- А Вильгельму? Ему нравится? – спросил я, зная, что Вильгельм всегда испытывал слабость к персонажам. Он всех их любил и считал, что большинство из них хорошие, просто неправильно понятые.

- Естественно, Вильгельму нравится. Боюсь, когда дело доходит до взглядов на заклятие, мы с моим братом становимся врагами. Ты ведь знаешь, как он продолжал настаивать на добавление в поддельные истории маленьких ниточек, ведущих к правде.

- Он на таком настаивал? – удивился я.

- Всегда. В каждой сказке, которую мы собрали или изменили, он оставлял намёки на истину. Он даже начал распространять по Королевству Скорби колыбельные, в которых тоже скрыта за загадками правда.

- Колыбельные?

- Сейчас их называют потешки и прибаутки – коротенькие песенки, содержащие намёки на исторические события, в форме радостных детских стишков. Должен сказать, очень умно со стороны Вильгельма. Детям они нравятся, и они поют их постоянно. Подобным образом Вильгельм обеспечил бессмертность этим стихотворениям, век за веком.

- Вильгельм всегда был умён, но почему ты такое одобрил?

- Я не мог его остановить. Морфей всё время был на его стороне. Как я и говорил, он хотел равновесия. Если мы хотели изменять истории, то должны появляться и подсказки, указывающие на истину. Таковы правила Мира Сновидений.

- Понятно, - кивнул я. – И это всё? То есть, я до сих пор не понимаю, из-за чего именно весь тот конфликт, но, похоже, пойму, когда прочитаю дневники. Кстати, в одном из них я прочитал кое-что о Коллекции Сердец. Ты об этом что-то знаешь?

Якоб внезапно резко протрезвел и схватил меня за плащ.

- Никогда даже не заговаривай о том, чего не знаешь. Пока не прочтёшь полностью дневники, даже не упоминай о Коллекции Сердец, - глаза Якоба снова метнулись к тёмному углу Трактира. – Ты меня услышал? – прошептал он, глядя мне в глаза.

- Хорошо, хорошо, - я не мог разжать его пальцы, сжавшие мою одежду. – Ты так реагируешь, словно это Святой Грааль.

- Ты не понимаешь. Это гораздо важнее, чем Святой Грааль. Ты задаёшь мне слишком много вопросов, которые не должен задавать. Проще тебе встретиться с Морфеем и узнать всё у него. Так что оставь меня наедине с гложащей меня виною.

- Подожди, у меня ещё остался один вопрос, - непреклонно заявил я, пока Якоб по-прежнему стискивал мой плащ. Я был упрямым стариком.

- А ты не сдаёшься, так, господин Песочник?

- Я хотел бы узнать имя, которое дал тебе Морфей из Мира Сновидений.

- И зачем тебе его знать? – подозрительно сощурился Якоб.

- Пожалуйста, ты можешь просто ответить? – взмолился я, снова избегая отражения в подсвечнике. – Я пытаюсь узнать всё об этом мире. Вскоре на меня ляжет ответственность собирать дневники. Различные точки зрения из различных источников помогут мне увидеть картину происходящего целиком и решить, что есть правда, а что – ложь. Поэтому прошу, помоги мне. Я не знаю, когда мы снова сможем увидеться.

- Если бы ты не был Песочником, которого я всегда любил, я бы тебе не сказал. Но я понимаю твоё рвение узнать как можно больше, - Якоб снова сделал глоток. Не думаю, что он рассказал мне больше, если бы не был пьян. – Это Явиги.

- Явиги?

- Да, - подтвердил Якоб. – И ты не станешь спрашивать меня, что это имя значит или как оно было создано. Я и так сказал тебе достаточно.

- Конечно, нет, - я слегка передвинулся, жутко желая узнать больше. – Я знаю всё о силе имён и знаю, что сила имён Мира Сновидений заключается в знании истинного значения имени. Некоторые имена надо читать задом наперёд; некоторые являются анаграммами; некоторые происходят от древних языков, например, латинского; а некоторые являются аббревиатурами. Если раскрыть эту загадку, то можно узнать значение, спрятанное за именем. И таким образом контролировать его силу и получить доступ к снам тех, на кого было наложено заклятие.

- Всё верно, дядюшка Песочник. Ты же не против, если я буду тебя так называть? – он снова наклонился ко мне и прошептал сквозь пальцы: - Это тоже своеобразная аббревиатура. Я-Ви-Ги. Каждый слог – аббревиатура определённого слова. Теперь доволен? – он подмигнул мне и откинулся обратно на спинку стула. – Но не жди, что я расскажу тебе, что это за слова.

- Понимаю, - кивнул я и окинул взглядом помещение, особенно тёмный угол. – Знание истинного имени в мире Сновидений опасно, а мы ведь не хотим, чтобы заклинание разрушилось. Особенно после того, через что тебе ради этого пришлось пройти.

- Вот именно.

Якоб попросил владельца Трактира принести ещё выпивки.

- Мы ведь не хотим, чтобы Белосне...

- Хватит! – Якоб повернулся ко мне, яростно сверкая глазами. – Я больше ничего не хочу слышать об этих историях!

- Понимаю, - снова кивнул я, по-прежнему желая задать ещё кучу вопросов.

Я минуту наблюдал, как Якоб пьёт, не произнося ни слова. Как заставить его слушать меня?

- Знаешь, я тут прочёл несколько дневников. Ну... Те, которые называются Приквелами, - произнёс я.

- Переходи к делу, Песочник, - сказал Якоб. – Ты мне это уже говорил. Если ты продолжаешь их читать и верить всему написанному, то запутаешься ещё больше.

- Да, знаю. Просто послушай. Я понимаю, что ты не хочешь о них говорить, но мне интересно, читал ли ты именно этот дневник.

- Какой именно? – нетерпеливо спросил Якоб.

- О Королеве Скорби.

- Она написала их десятки, и большинство из них являются ложью, - произнёс Якоб.

- Тот, где она описывает день, когда родилась Бело... То есть, её дочь.

- Что? – прищурился Якоб. – Об этом случае тоже написан дневник?

- И не только, - пояснил я. - Этот дневник с каждым разом интригует меня всё больше и больше. Я могу тебе его прочитать, если не против. Он не очень длинный.

Якоб заинтересованно на меня взглянул. Его лицо засветилось любопытством, хотя он только что покончил с закланием и не хотел больше ничего об этом слышать.

- Слушай, Песочник, - Якоб ткнул пальцем в бутылку, из которой пил. – Моя бутылка полупуста. Ты читаешь, пока я пью. Когда бутылка заканчивается, я уйду, и мы с тобой снова долго не увидимся. А, и ещё ты платишь за мою выпивку! Так давай быстрее, прочитай этот чёртов дневник!

- Прочитаю, - ответил я и надел очки-половинки. – Давным-давно...

- Не надо этой чепухи, - перебил меня Якоб. – Это я придумал фразу «давным-давно». Переходи сразу к делу.

- Но так начинается дневник, - возразил я.

- Есть только одно истинное предложение, начинающееся с «давным-давно», Песочник. Вроде такого: «Давным-давно сказки были чертовски мрачными и жуткими, и это было восхитительно!»

Якоб истерически захихикал, снова ударяя по стойке, а потом со звоном чокаясь со стаканом владельца Трактира. Я расслышал смех из неосвещённого угла Трактира.

Якоб пил быстро, поэтому я решил, что буду читать дневник Королевы, не обращая внимания на его прерывания.

И вот что я прочёл от имени Королевы Скорби...

«...Я кричала от боли, когда у ворот моего замка остановилась карета доктора. Я лежала в своей королевской кровати, а мой любимый муж, Король Скорби, сгорбившись, смотрел в окно. Он ужасно меня любил. Моя боль была его болью, и я знала, что он не мог стоять и смотреть на меня, пока я так страдала.

Для него было лучше смотреть в окно и наблюдать, как из стены снега появляется повозка доктора. Спустя несколько мгновений мой муж повернулся ко мне и улыбнулся. Доктор прибыл.

Я еле-еле кивнула и сильнее сжала руку своей служанки, изо всех сил пытаюсь справиться с болью в спине. Слуги смотрели на меня с сочувствием и участием, а у меня от боли чуть не ломались кости. Каждый мускул в моём теле дрожал, когда я выгибала спину, стараясь облегчить боль. Слуги советовали мне прикусить угол подушки. Я так и сделала, но это было бесполезно, и я продолжила кричать, что ещё больше усилило мою боль. Лёгкие горели от недостатка кислорода.

Предыдущие доктора советовали мне медленно вдыхать на четыре счёта, а потом выдыхать. Я пыталась, но это тоже оказалось бесполезным. Всё эти чёртовы доктора тоже были бесполезны. Я не могла спокойно дышать, пока эта боль разрывала меня изнутри. Вместо этого я начинала дышать часто, прерывисто, как задыхающаяся собака или вытащенная на берег рыба.

Я заметила своё отражение в зеркале на стене и не могла поверить, что это я. Я всегда была самой красивой в королевстве. Но больше нет. Я выглядела безумной, околдованной старухой, а к моему телу липла промокшая от пота ночная рубашка.

Но я не могла отвести взгляд от зеркала, потому что видела мрачное будущее, что меня ожидает. Оно отпечаталось на моём лице. Я боялась неизвестности, что принесёт мне моя дочь, которую я собиралась родить.

Мои мысли затопили жуткие образы. Я представляла, как она рождается наиболее чудовищными способами, вылезая из моих внутренностей и разрывая меня пополам.

И хоть я и знала, каким чудовищем беременна, я хотела этого ребёнка больше, чем что-либо на свете. Я пожертвовала всем дорогим, чтобы иметь её, и я намерилась её родить.

- Держись, дорогая, - произнёс мой муж. – Доктор, наконец, приехал. У него должно быть решение.

- Какое? – прокричала я. – Ты посылал за многими, но никто из них не смог помочь.

- Его зовут Фредерик Ван Хельсинг, - ответил король. – Он голландец, хотя и родился в Лоре в Германии.

- Лоре? – удалось выдавить мне между всхлипами и прерывистыми вдохами. Мой муж родился в Лоре, хотя его предки были венграми.

Король на секунду остановился, взглянул на слуг, опасаясь, что они узнают о нас больше, чем должны.

- Не беспокойся, - вскрикнула я и стиснула руки моих служанок сильнее. - Я им доверяю.

Мой муж отсутствовал несколько месяцев, ведя масштабную войну против захватчиков, пытавшихся проникнуть в наше королевство.

- В таком случае, тебе стоит знать, что Ван Хельсинг тоже о нас знает. И он знает, что она такое, - он имел в виду мою ещё не рождённую дочь. – Он изучал подобных ей по всей Европе, и он очень хорошо обучен. Он знает о пророчествах.

В то время Европе угрожало то, что местные называли «Вампирским Безумием» - необъяснимый феномен, когда люди возвращались из могил кровососущими созданиями.

Спустя несколько минут в комнату вошёл доктор Ван Хельсинг. Он был невысоким, с широкими плечами и заметным немецким акцентом.

- Бог мой! – произнёс он. – Я всегда хотел с вами встретиться, Ваше Величество, - обратился он к моему мужу. Король был легендой во всей Европе – да, легендой жуткой, но незабываемой.

- У нас на это нет времени, - ответил мой муж. – Пожалуйста, называйте меня Ангел.

Он пожал руку Ван Хельсингу, а потом легонько похлопал её второй рукой, будто скрыто умоляя мужчину спасти меня.

- Никогда не посмею обратиться к Его Величеству по имени, - склонил голову Ван Хельсинг, так и не сняв шляпу.

- Хватит формальностей, - жёстко произнёс Ангел, заставив сердце ванн Хельсинга сжаться от страха. – Рад, что вы приехали. Сколько дней и ночей заняла у вас поездка?

Это была неотъемлемая часть характера моего мужа: в одно мгновение он пугает человека, а во второе - уже заботлив, как никогда.

- Двадцать один день и ночь, мой Король, - Ван Хельсинг не смог себя заставить назвать правителя по имени. – Мы шли на «Деметре»³, самом храбром корабле всех морей. Прежде чем взойти на корабль в Испании и пересечь океан, а посоветовался с докторами Европы. Мне потребовалась неделя на материке, а потом я отправился в Королевство Скорби.

- Вы встречались с моим отцом? – обеспокоенно спросил король.

- Не беспокойтесь, мой Король. Он не знает, что я здесь. А если бы узнал, то сейчас я был бы уже мёртв.

Ван Хельсинг повернулся ко мне и снял шляпу.

Даже в такие мрачные моменты упоминание отца Ангела заставило вздрогнуть моих слуганок.

Ван Хельсинг нарушил стоявшее в комнате напряжение, обратившись ко мне и сняв шляпу:

- Это огромная честь, моя Королева.

- Пожалуйста, помогите мне ослабить боль! – прокричала я.

- Слушаюсь, - произнёс он.

Фредерик Ван Хельсинг начал меня осматривать, и я немного успокоилась после того, как он дал мне сок золотого яблока. Доктор утверждал, что это было его изобретение. А за пару мгновений до того, как он напоил меня ещё одной жидкостью, я чуть не потеряла сознание. Жидкость была синей, привезена им из Европы, и Ван Хельсинг называл её Русалиада. Он сказал, что это была кровь русалки – а синяя, предположительно, под цвет океана. Я не стала расспрашивать его – за свою короткую двадцатилетнюю жизнь я видела достаточно бредовых вещей. А в то мгновение я желала лишь одного – чтобы он облегчил мою боль.

- Ну, что? – спросил Ангел Ван Хельсинга. – Вы можете ослабить боль моей жены?

³ «Деметра» назывался корабль, на котором Дракула, литературный герой романа Брэма Стокера, отправился из Трансильвании в Англию. По прибытию в пункт назначения Дракула покинул корабль, обратившись волком. На судне осталось только тело мертвого капитана, привязанное к штурвалу, а вся команда пропала.

- Простите, - рассеянно произнёс Фредерик, думая о чём-то другом. – Это, скорей всего, находится за пределами моих возможностей.

- Что вы имеете в виду? – проревел Ангел. Фредерик отступил назад. Даже испытывая такую сильную боль, я боялась моего мужа в приступе ярости. – Я искал вас во всех уголках мира, потому что вы – специалист!

- Потерпите, мой Король, - произнёс Фредерик. – Единственный способ для вашей жены выжить – это отказаться от ребёнка, хотя это практически невозможно, потому что она может родить с минуты на минуту.

- И что вы предлагаете? – озадаченно спросил Ангел.

Ван Хельсинг медленно сделал шаг к Ангелу и попросил поговорить наедине. Я видела, как они отошли в угол комнаты. Ангел рассердился, услышав предложение Ван Хельсинга, но я его расслышать не могла.

Единственное, что я разобрала, были слова «Королева Батори». Я не была уверена, но мне показалось, что ванн Хельсинг связывает рождение моей дочери с восхождением Королевы Батори.

- Кто такая Королева Батори? – крикнула я Ангелу. – И что этот доктор тебе говорит?

- Да о чём ты? – Ангел подошёл ко мне, опустился рядом с кроватью на колени и сжал мою ладонь. Я знала, что на счёт Королевы Батори он лжёт, но хотела послушать, что ему придётся сказать. – Ван Хельсинг сказал, что может тебя спасти, - Ангел передёрнул плечами. – Если ты отпустишь нашу дочь.

- Что? – я взвизгнула от смеси боли и удивления. – Ангел, как ты можешь такое говорить?

- Знаю, - поцеловал он мою руку. – Я хочу этого ребёнка даже больше, чем ты, но, в конце концов, я могу потерять вас обеих.

- Я не откажусь от нашей дочери, - произнесла я. – Мне плевать, если я умру.

- Проблема в том, что вы можете умереть обе, - объяснил Ангел. – Помнишь, в самом начале ты думала, что беременна двойней?

Так и было. Когда я только забеременела, королевские доктора считали, что я жду двоих детей.

- Ван Хельсинг сказал, что это была правда. Доктора не ошиблись. Наша дочь... - Ангел снова передёрнул плечами. Для такого жестокого воина, каким был мой муж, он слишком часто передёргивает плечами.

- Что «наша дочь»? Говори, - взмолилась я.

- Она съела своего близнеца, - Ангел не мог посмотреть мне в глаза.

- Я в это не верю! – снова закричала я. – Это тебе Ван Хельсинг сейчас сказал? И кто такая Батори?

- Никакой Батори, - сказал Ангел, сжимая мою руку. – Ты неправильно расслышала. Всё, что сейчас важно, это ты. Я не могу жить без тебя. И ты знаешь, кем является наша дочь.

- Даже если она может быть одной из тех Вампиров, мне плевать, - сказала я. – Я покажу моей дочери этот мир. Она моя дочь. Меня не волнуют пророчества. Моя дочь заслуживает шанс на...

- Она не совсем вампир, моя Королева, - Ван Хельсинг почувствовал, что стоит вмешаться. – Она... - Ван Хельсинг передумал, словно напомнил себе остановиться и не произносить это имя.

- Что она? – потребовала я ответа.

- Она убьёт вас всех, - медленно ответил Фредерик и добавил: - Моя Королева, - он опустил голову, отказываясь рассказывать мне, что говорится в пророчестве о моей дочери. – Моя Королева, я могу вас спасти, но вы должны от неё отказаться.

- Я не откажусь от неё! – я повернулась к Ангелу и посмотрела на него молящим взглядом.

Нас прервал внезапный стук в дверь. Это был один из моих охотников.

- Они здесь, мой Король, - обеспокоенно произнёс охотник.

- Кто здесь? – спросила я.

- Наверно, они следовали за мной, - сказал Ван Хельсинг.

- Кто здесь? – снова закричала я. – Захватчики?

- Не совсем, моя Королева, - ответил охотник. – Они послали своих пантер.

- О Боже! – две служанки вскрикнули и отпустили мои руки.

- Чёрные пантеры, моя Королева, - произнёс Ван Хельсинг. – Они здесь для того, чтобы убить Вас и Короля. Я полагаю, когда захватчиком не удалось пересечь зачарованные границы королевства, они послали своих пантер, которые могут пройти везде.

Ангел заглянул мне в глаза.

- Ты уверена, что хочешь её сохранить? – спросил он, крепче стискивая мою ладонь.

- Я не откажусь от моей дочери! – ещё раз взвизгнула я. Сколько мне ещё это прокричать? Я – Королева! Почему никто в этой комнате мне не подчиняется?! – Меня не волнуют чёрные пантеры, и я буду бороться до последнего вздоха.

- Как скажешь, моя Королева, - ответил Ангел, уважая моё решение. – И я буду бороться вместе с тобой. Ради нашей дочери. Есть только один способ дать ей жизнь.

- Но, мой Король, она монстр... - попытался вразумить Ван Хельсинг.

- Да мне плевать, даже если она – сам дьявол во плоти! – проревел король. – Она моя дочь. Мы отвезём её в Тёмный Лес. Я знаю безопасное место у Древа Авалон. Помона нас защитит, - Ангел поднялся и приказал служанкам помочь добраться мне до кареты со специальными решётками на окнах, которая использовалась во времена войн.

Когда они начали поднимать меня с кровати, боль стала невыносимой. Я схватила Ван Хельсинга за рукав, идя к выходу.

- Если хотите принести пользу, расскажите мне, что надо сделать, чтобы мой ребёнок родился.

- Что вы имеете в виду? – озадаченно уточнил он.

- Что самое основное я должна делать, что бы ни случилось? Если меня ударят клинком или отрубят голову, существует ли что-либо, чем я могу помочь моей дочери родиться, пока умираю? Пока я жива, я не хочу терять ни секунды, чтобы быть уверенной, что сделала всё, что могла, чтобы девочка родилась.

- Я не понимаю, о чём вы говорите, моя Королева, - сказал Ван Хельсинг. – Вы ожидаете, что если вас убьют, ваше тело по-прежнему сможет изгнать ребёнка из чрева?

- Если это возможно, то да. А если нет, и предполагается чудо, то я постараюсь.

Всё тело ныло от боли, когда слуги пытались вытащить меня из спальни.

- Я не думаю, что у меня есть ответ на это. Прошу прощения, - сказал Ван Хельсинг. - Она монстр, моя Королева. Она не заслуживает вашей любви, - воскликнул Ван Хельсинг.

- Никто не должен быть обречён быть монстром! Вы ужасный и бесполезный докторишка!
- взорвалась я, отпуская его плащ и позволяя слугам отвести меня в карету.

Когда я переступала порог, Ван Хельсинг решил, что просто обязан крикнуть вслед:

- Дышите!

- Что? - крикнула я в ответ.

- Дышите, моя Королева! Дышите. Пока вы будете делать всё, чтобы дышать, вы сможете родить это дитя.

Спустя пару минут Ангел затолкал меня в карету.

- Здесь ты будешь в безопасности, - сказал он. - Я буду управлять каретой. Специально для таких случаев я укрепил двери. А это две мои самые лучшие лошади, - указал он на карету. - Хотя, если быть точным, это единороги. И они отвезут нас на место.

- Единороги?

Меня разрывала жуткая боль, но я в жизни не видела единорогов. Точнее, я даже не знала, что они существуют. При всей той магии, что нас окружала, при том, что я знала о прошлом своего мужа, единороги всегда были тем мифом, которые мифом и остаются. Мне захотелось выбраться из кареты прямо на снег и хоть раз посмотреть на них своими глазами: на единорогов, тянущих карету моего мужа, которую он явно создал именно для таких целей.

Но очередной приступ боли, острый, как удар копья, а затем пинок моей дочери удержали меня внутри кареты. Я громко и жутко закричала.

- А она действительно хочет выбраться в этот мир и взглянуть на него, - ошеломлённо посмотрел на мой живот Ангел. - За нами будут ехать ещё две кареты, они нам очень помогут, - сказал он мне, выныривая из мечтаний о нашей дочери. Ангел был лидером и предпочитал нападение, он редко на что-то надолго отвлекался. - Когда появятся пантеры, не показывай своего страха. Поняла? - произнёс он. - Они питаются нашими страхами. Просто продолжай дышать, любимая. Продолжай дышать. А об остальном я позабочусь.

Его слова заставили меня гореть, я тяжело вдохнула и выдохнула, помня, что это были последние слова, произнесённые Ван Хельсингом. Я потянулась и схватила Ангела за руку, прежде чем он успел закрыть дверь с решёткой.

- Береги себя, любимый.

- Обязательно, - поцеловал он меня в лоб. - Я убью каждую пантеру, которую они за мной отправили. Наша дочь родится сегодня.

Карета сорвалась с места, и я упала со скамьи на пол, не удержав равновесия. От удара о пол боль только усилилась, и я начала истерично вдыхать, услышав бегущих по снежному покрову пантер.

Я подползла на коленях к двери и бросила взгляд назад. Это было ошибкой. Там быстро бежали пантеры с горящими огнём глазами, и они уже убили всех в следующей за нами карете. По снегу разбрызгалась кровь, по белой земле тянулись алые полосы, а за нами скакали чёрные пантеры. Эти три цвета ударили мне по глазам. Они напомнили мне о прошлом Ангела. Мы видели, как эти три цвета и прежде нас преследовали, заставляя мучиться кошмарами весь остаток жизни. Я их терпеть не могла. Красный, Белый и Чёрный: Кровь, Снег и Пантеры.

Я закричала, стискивая руками прутья решётки. Это тоже было ошибкой. Пантеры сразу же перевели взгляд на меня.

Они бежали за нашей каретой, распугивая сидящих на ветвях птиц. И самым громким звуком было громкое дыхание пантер.

«Дыши, Королева Скорби. Ты должна дышать. Жизнь твоей дочери зависит от тебя».

Я продолжала дышать, пока пантеры мчались за нами, хотя моё дыхание больше походило на прерывистые вдохи загнанной лошади.

Ангел мастерски управлял единорогами; они были быстры и не сбивались с темпа. Я выглядывала через прутья решётки и видела их чудесные тела. Интересно, а могут ли они убить этих пантер своими рогами? Или взлететь и поднять нашу карету высоко к луне?

Пантеры начали прыгать, ударяя по карете своими мощными телами. Не знаю, они это делали для того, чтобы напугать меня, или действительно считали, что могут проломить стенку кареты и добраться до меня.

Я даже толком не понимала, чего они хотят. Может, их послали захватчики, чтобы пантеры нас убили, потому что мы находимся в состоянии войны с их хозяевами? Но если это так, то почему сегодня?

Я слышала вой волков вдалеке. Интересно, они таким образом нас предупреждают или просто боятся пантер?

- Продолжай дышать, любимая! – прокричал снаружи Ангел, стряхивая снег. Единороги побежали ещё быстрее. Я услышала, как пантера завывала и свалилась на землю. Наверно, это дело рук Ангела. Думаю, он убил её своим мечом.

Я с любопытством приблизилась к прутьям решётки, чтобы хоть краем глаза взглянуть на своего героического мужа. Прямо передо мной прыгнула пантера, вцепилась лапами в прутья, как человек, и уставилась на меня пылающими алым глазами. Я снова упала на спину.

Первым делом я проверила, как себя чувствует моя дочь, приложив руку к животу.

- Ты будешь в порядке, Белоснежка, - прошептала я своему животу. Мы с Ангелом уже договорились ранее её так назвать. Её имя было данью уважения воспоминанию из нашего прошлого. – Я не позволю им тебе навредить.

Не убирая руку с живота, я внезапно вспомнила, как Ангел говорил, что я жду близнецов; что один из них съел второго. Может ли такое быть правдой? Как одна из моих дочерей могла убить другую в моей утробе?

«Это ты выяснишь позже, Королева Скорби. А сейчас дыши! Просто дыши».

Всё ещё лёжа на спине, я увидела на полу кареты пистолет. Я потянулась за ним и выстрелила в пантер, чтобы помочь Ангелу.

Но я опоздала.

Я услышала звук удара о землю, а за ним – крик Ангела. Я поднялась, вцепилась в прутья решётки и выглянула наружу: Ангел лежал на спине на снегу.

Единороги продолжали бежать, унося меня одну от моего мужа.

- Ангел! – закричала я, держась крепко за прутья решётки, как узник, молящий о пощаде. – Берегись!

Несколько пантер приближались к лежащему без сознания Ангелу. Они точно разорвут его на куски.

Я продолжала истерично дышать, неспособная думать. Я знала лишь то, что находилась сейчас во власти единорогов, которые, как я полагала, знали дорогу в Тёмный Лес и к Древу Авалон.

Спустя всего несколько минут, мы ворвались в Тёмный Лес. Значит, единороги действительно были обучены. Хотя и не знаю, смогли бы они выжить при нападении пантер или нет.

Дыши, Королева Скорби. Дыши. Позволь судьбе позаботиться о твоём месте назначения. А ты должна дышать, пока не придёт время изгнать из своего чрева Белоснежку. А до этого момента осталось всего несколько минут. Держись.

Только вот правильного дыхания было мало. Единороги пали. Они свалились на землю и издали такой стон, что содрогнулся весь Лес. Я слышала, что крик единорога заставляет слушающего его так переживать, что может разорвать сердце на куски.

Конечно, к пантерам это не относилось. Они начали рвать зубами плоть единорогов, а затем, когда закончили с животными, перевернули на бок карету.

Я лежала на спине в шатающейся карете и смотрела на полную луну через прутья решётки. Но это продолжалось недолго: к прутьям приблизились две пантеры и начали пытаться пробраться внутрь.

Я продолжала дышать, глядя им прямо в глаза. Время прошло. Я чувствовала, как Белоснежка появляется на свет.

Я никогда не думала, что смогу сама её родить, покинутая, без помощи, окружённая монстрами. Наверно, мои слуги уже все мертвы. Они были в ехавшей за нами карете, на которую тоже напали эти чудовища.

- Вы не убьёте меня, пока я не рожу её! – прокричала я пантерам, и они поняли меня, начали рычать ещё яростнее, а их слюна капала мне на лицо.

- Тужься, Королева, тужься! – повторяла я себе, чувствуя, как внутренности разрывает на части. Я понимала, что не смогу это вытерпеть и потеряю сознание, а может даже и умру. Но я должна сделать всё, что от меня зависит.

Пантеры продолжали бросаться на карету. Их глаза всё ярче разгорались красным. Я до сих пор не понимала, почему они здесь. Они хотели не дать мне родить ребёнка? Не похоже. Кажется, они скорее хотели забрать её у меня. И пришли они сюда за ней. Ангел сказал мне, что захватчики прибыли в наши земли ради Белоснежки. Но зачем? И насколько полно известно мне прошлое моего мужа?

Мои кости почти ломались от боли, а сверху на лицо капала слюна пантер.

- Как же я хочу, чтобы она родилась монстром, как все меня и предупреждали! – закричала я на хищников. – Чтобы она выбралась сейчас из меня и повырывала ваши алые сердца, размазала их по белому снегу, содрала ваши чёрные шкуры и носила их, как мантию!

Пантеры только яростнее зарычали, глядя на меня. Странно, они ненавидели меня, но я не могла понять почему.

Дыши, Королева. Дыши. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Быстрой. Живи.

Мои глаза пульсировали от напряжения. Мысль о том, что моя дочь придёт в этот мир, и её не примут ласковые и нежные руки, причиняла мне боль. Она будет просто лежать на днище этой перевернутой кареты, и из пасти какой-нибудь из пантер на неё будет капать мерзкая слюна. Бедная Белоснежка.

Похоже, это была моя последняя мысль, а потом я провалилась в черноту...

Чёрный. Какой интересный цвет. Почему мы проваливаемся в черноту, а не в какой-то другой оттенок? Почему мы должны проваливаться во мрак?

Я не знала, где я, и не знала, мертва ли. Мир вокруг меня оставался тихим, а темнота полностью застилала взор. Каким-то образом я точно знала, что мои глаза открыты, просто ничего не видят. Может, это и есть переход в посмертную жизнь? Неужели я так легко оставила дочь?

Я изо всех сил попыталась пошевелить рукой или хотя бы единым мускулом, но ничего не получилось. Моё тело больше мне не принадлежало. Это было просто вместилище, которым я пользовалась в том мире, и теперь пришло время его покидать.

Нет, стойте! Я не готова уходить! Я была Королевой Скорби! Мадам Готхель говорила, что меня ждут великие дела. Да, ужасные, но великие! Кто украл мой шанс на такую жизнь?

Прошу тебя, Господи, если я должна умереть, не дай мне умереть плохой матерью! Дай мне сил вернуться, хоть на чуть-чуть. Позволь дать Белоснежке шанс жить, расти, увидеть свой первый рассвет, сделать первые шаги, произнести «мама» и «папа», пойти в школу, выучиться и показать свои таланты, вырасти ещё, полюбить, впервые поцеловаться, страдать от разбитого сердца, плакать, страдать и вновь подниматься, как феникс из пепла. Прошу тебя, Господи, дай мне силы дать ей этот шанс. Мне не важно, если она окажется монстром. Мне не важно, если она убьёт своего отца и меня. Мне важно лишь то, что она будет пытаться не быть монстром. И если у неё не получится – ничего страшного. У многих из нас что-то не получается. Важен не результат, а сам процесс.

И в этом мраке, стучась в двери рая, я, наконец, что-то увидела. Это была женщина. На ней был жёлтый плащ и капюшоном, а в руке – коса.

- Ты действительно хочешь, чтобы она пришла в этот мир? – спросила женщина.

- Да, прошу вас. Вы можете мне помочь?

Меня не волновало, кто эта женщина. Я лишь надеялась, что она сможет меня спасти.

- Ты готова дать ей жизнь, даже если она убьёт тебя? – уточнила женщина.

- Да, - кивнула я, или мне так показалось. В этом мире грёз ни в чём нельзя было быть уверенной. – Прошу вас, дайте ей шанс.

И тут я внезапно заметила, что женщина беременна. Кто же она такая?

- Я тоже беременна, - произнесла женщина, положила руку на живот и улыбнулась. – Как и ты.

- Значит, вы знаете, что я чувствую, - воскликнула я. – Вы поможете мне выжить, пока я не рожу свою дочь?

- Моя дочь тоже в своём роде монстр, - продолжала женщина с самой очаровательной улыбкой, которую я когда-либо видела. – Она станет такой же, как я. Смертью.

- Так вы Смерть? – упав духом, спросила я. Значит, мои шансы равны нулю. Кого я обманывала? Я просила Смерть спасти меня от смерти.

- Я знаю, что вы должны меня сейчас убить, но всё, чего я прошу, это дать Белоснежке шанс жить. Убейте меня, но дайте ей жить, - предприняла я последнюю попытку.

- Я не могу тебя спасти, - произнесла Смерть, развернулась и пошла прочь.

- Подождите! – закричала я. – Куда вы уходите? Вы не оставите меня здесь одну!

- Я не могу спасти тебя, Королева Скорби, - сказал голос Смерти над моим плечом. – Ты уже сама себя спасла. Ты одна из самых сильных женщин, которых я когда-либо встречала.

И она исчезла.

Мне понадобилась целая минута, чтобы понять, что происходит, и тогда я услышала своё дыхание.

Ко мне медленно вновь возвращалась чувствительность. Я могла пошевелить руками и ногами, и даже могла расслышать, как рычат пантеры. Смерть была права. Я сама спасла себя, и меня это поразило.

А правда состояла в том, что, пока я находилась без сознания, на грани смерти, я не прекращала дышать. Моё тело и моя душа не прекращали дышать ни на минуту.

И даже более того: я родила Белоснежку.

Даже учитывая всю боль, которую я переносила, её первый крик был таким же прекрасным, как луч солнца в победоносный день – в день, когда ты победил всех своих врагов и превозмог все сложности в жизни. Я смогла, смогла родить своё дитя.

- Всегда помни, - услышала я в голове голос Смерти. Как такое возможно? – Ты и твоя дочь либо будете жить вместе, либо умрёте вместе.

Я прижала к себе Белоснежку крепко-крепко, словно вокруг меня не был хаос; словно всё не было залито кровью и водой; словно я не устала до смерти; и словно пантеры не ломались в карету из всех сил.

Одна из пантер схватила меня за край плаща и вытащила на снег. Я тряслась от холода. Но лишь крепче прижимала к себе свою дочь. Они кружили вокруг меня, а я понятия не имела, что делать. Я еле-еле дышала от усталости. Слова Смерти по-прежнему звучали в моих ушах: мы с моей дочерью либо будем жить вместе, либо умрём вместе.

И тут случилось нечто неожиданное. Пантеры начали подвывать и прижимать голову к земле, словно молясь на кого-то. И взгляд их был направлен на Белоснежку, словно они внезапно стали возносить ей молитву, преклоняясь из уважения.

У меня кружилась голова, я чуть не теряла сознание от боли, но испустила слабый смешок. Они боялись моей дочери. Я не могла поверить своим глазам. Неужели она настолько важна? Они так её боялись? Или любили? Я не знала ответа.

Всё, что я в тот момент знала, что вот-вот отключусь.

Внезапно одна из пантер подскочила ко мне. В отличие от остальных тварей, её глаза всё ещё горели красным огнём. Похоже, она сопротивлялась и не собиралась верить ни в какие правила и пророчества, в которые верили другие чёрные пантеры.

Она одним резким рывком пасти разорвала пуповину, связывающую меня с моей дочерью, и вырвала Белоснежку из моих слабеющих рук. Я слишком устала и не могла бороться, мои руки ооченели, поэтому я лишь беспомощно смотрела, как она уносит моего ребёнка в пасти, как кошки переносят своих котят.

Что я наделала? Почему я не смогла отбить своего ребёнка у пантер? Мысль о том, что я потеряла своё дитя и отдала его чёрным пантерам, вновь разогнала кровь по моим жилам, и я открыла глаза. Мою дочь нигде не было видно.

Но спустя мгновение я услышала звук выстрела за деревьями, а потом – направляющиеся ко мне шаги.

Я смотрела, как ко мне приближается Ангел, несущий на руках Белоснежку. Он спасся от пантер тогда, застрелил ещё одну сейчас и спас нашу дочь.

Ангел опустился рядом со мной на колени, поцеловал меня в лоб и положил Белоснежку мне на руки.

- Я же говорил, что наша дочь сегодня родится, - прошептал он.

Неделю спустя, уже в замке, я спросила Ангела: «Что теперь будет?» Мы знали, кем была наша дочь – и я не стану упоминать об этом в данном дневнике. Мне было интересно, какие последствия нас ожидают.

- Ты чуть не отдала за неё свою жизнь, - ответил мне Ангел, обнимая, когда мы смотрели на ночное небо из окна нашей спальни. Это была прекрасная ночь, и я чувствовала лёгкий ветерок, шевелящий мою ночную рубашку. – Это главное. Ты храбрая женщина. Наверно, я мог бы остаться в замке и печь пироги, пока ты отправишься на границу воевать с захватчиками, - пошутил он, и я ласково на него посмотрела, откинув голову. – Хотя, должен признать, повар из меня никудышный, - рассмеялся он.

- Ангел Скорби, - произнесла я его имя. – Как так случилось, что такой человек, как так, принадлежит к семье Скорби?

Он потрепал меня по голове и не ответил. Это был сложный вопрос, но я хотела знать о нём больше.

- Тебя не беспокоит то, что мы дали жизнь монстру? – спросила я. Меня это не беспокоило. Но я должна была быть уверена, что он чувствует то же самое.

- Монстр или нет, она наша дочь, - ответил Ангел. – Мы будем на её стороне, будем поддерживать любой ценой. Она станет легендой. Белоснежка Скорби...

...Когда я поднял глаза от своей Песочной книги, у Якоба Карла Гримма в глазах стояли слёзы. Мы смотрели, как страницы на наших глазах превращаются в песок, и понимали, что с этой минуты данный маленький дневник навсегда похоронен глубоко в нашей памяти. Это было самым сложным после того, как кто-то прочтёт вам историю из песочной книги, потому что только вам решать, что делать с ней дальше: уничтожить и больше никому и никогда о ней не рассказывать или передать другим поколениям в другой Песочной Книге. Или сделать так, как делал он: изменить сказку и сделать для неё счастливый конец - в конце концов, история Королевы закончилась хорошо.

- Ты плачешь? - спросил я его.

- Плачу? Ха! Я просто выпил последний стакан и теперь хочу спать.

- Так тебя не тронула эта сказка? - спросил я.

- Это теперь не важно. Мы прокляли их, и я хочу, наконец, оставить всё позади.

Он поднялся и собрался уходить.

- Стой, - окликнул его я. - Я рассказал тебе прекрасную историю. Тебе не кажется, что ты должен дать мне что-нибудь взамен?

- Чего ты хочешь, наивный Песочник?

- Явиги, - ответил я. - Тебе ведь несложно сказать, что стоит за этим именем.

- Какой же ты упрямый, Песочник, - вздохнул Якоб и открыл пустую страницу моей Песочной Книги. Он начал писать указательным пальцем, чтобы не произносить ничего вслух перед владельцем Трактира и невидимыми посетителями в углу.

И написанное им вызвало улыбку на моём лице.

«Явиги» оказалось аббревиатурой трёх известных имён. Морфей использовал первые буквы каждого имени и составил из них одно слово.

Явиги - не что иное, как «Якоб Вильгельм Гримм». Я - из Якоба, ВИ - из Вильгельма, а ГИ - из Гримма. Разве это не лучший способ назвать Страну Сновидений? Это действительно был мир Якоба и Вильгельма.

- Теперь доволен, Песочник? - хмыкнул Якоб.

Я улыбнулся и кивнул, снова избегая зеркала позади владельца Трактира. Чёртовы зеркала.

- Надеюсь, сегодня вечером ты даруешь мне хорошие сны, Песочник, - бросил Якоб через плечо и направился к выходу.

- Эй, Якоб, - крикнул я. - Ты когда-нибудь слышал фразу: «Величайшая хитрость дьявола состоит в том, что он убедил мир, будто его не существует»?

Якоб замер на месте и обернулся.

- Где ты это услышал? - обеспокоенно спросил он.

- Я прочёл это во вступлении к дневнику. Фраза показалась мне бессмысленной, вот я и решил спросить, - ответил я.

- Держись подальше от таких одиноких вступлений, Песочник, - посоветовал Якоб. - Они полны лжи и собьют с толку такого наивного человека, как ты. Придерживайся настоящих дневников столетней давности, - Якоб был очень-очень пьян. Он развернулся и вышел.

Я посидел ещё минуту, глянул в тёмный угол, где звякали стаканы, и тоже направился к выходу.

Выйдя под снег, я вытащил из сумки маленькое зеркальце и глянул в него.

- Мэри, Мэри на стене, - произнёс я. - Кто на свете всех хитрей?

- Вы, моя Королева, - ответило мне зеркало.

Я посмотрел в зеркало и увидел, что вернулось моё истинное лицо.

- Вы узнали истинное имя Мира Сновидений?

- Естественно, Мэри, - ответила я. - Теперь я могу контролировать его огромную часть.

- А что насчёт Вильгельма? Он по-прежнему на стороне Семерых Потерянных?

- Похоже на то, - сказала я. - Он даже создал для детей что-то вроде колыбельной. Она содержит намёки на правду о многих из нас, которые не должны умереть с годами.

- Боюсь, моя история выйдет наружу, моя Королева, - произнесла Мэри.

- Давай не будем забегать вперёд, - сказала я. - Мне предстоит долгий путь: надо определить, кем являются Семеро Потерянных, и найти их.

- Как пожелаете, моя Королева. Я поражена, что Якоб не заподозрил, что вы и есть Королева.

- Не заметил. Он же был пьян, - усмехнулась я. - И я больше не стану использовать это заклятие для изменения внешности. Мне постоянно приходилось избегать зеркал в этом Трактире. Я могла раскрыть себя, если бы Якоб увидел моё отражение.

- Все, что вы пожелаете, Ваше Величество, - рассмеялась Мэри.

Ну что, читатели дневника? Видите, как легко мне было обдурить вас в самом начале и заставить поверить, что я и есть Песочник Гримм?

Никогда не забывайте: величайшая хитрость дьявола состоит в том, что он убедил мир, будто его не существует.